

Б. КАМЕНЕЦКИЙ.

Чеховъ и Соловьевъ.

„Дай, оглянись“.

(Страница воспоминаний.)

Постоянно приближается къ моему воспоминанию милая фигура Чехова. Въ редакціи «Русской Мысли» впервые услышалъ я мягкій басокъ его голоса, впервые увидѣлъ его задумчивые глаза. И помню я майскіе дни 1899 года, когда Москва, родина Пушкина, праздновала столѣтіе его рожденія.

На Тверскомъ бульварѣ у памятника великому поэту собрались представители разныхъ общественныхъ организацій. Вдругъ — изъясняющее движение въ толпѣ, замѣшательство: полиція не подпускаетъ къ почетной трибунѣ одного господина, котораго случайно не снабдили соответствующимъ билетомъ. То былъ Чеховъ. Недоразумѣніе уладилось, и вотъ у подножія Пушкину сталъ Чеховъ. Это было удѣльно, это было символично, и я подумалъ о томъ, что здѣсь, въ этомъ соедѣстствіи двухъ словесниковъ, ушедшаго и живого, мумента и реальнаго человѣка, явственно сказывается преемственность русской литературы. Мнѣ было только больно то, что, хоть и тусклый былъ день, все же и ступеней лучей солнца было достаточно для того, чтобы на потемненномъ и блѣдномъ лицѣ Чехова разглядѣть слѣды той боли, отъ которой погибали «учители» его разсказа и которая чертой нѣсколько лѣтъ свела въ безвременную могилу его самого. Вечеромъ на одномъ изъ банкетовъ какой-то ораторъ сравнивалъ Чехова, въ его присутствіи, съ Пушкинымъ, и замѣтилъ было, что скромность тихаго писателя жестоко страдала.

Вѣдь именно тихъ онъ былъ и замкнутъ въ себѣ, въ томъ дремѣ душою, не любилъ шума, рекламы, публичныхъ выступленій. Недаромъ въ его общародовыхъ инстинктахъ мы встрѣчаемъ такую заповѣдь: считать про себя какія-либо подробности, а тѣмъ чаще писать для печати — для меня это истинное мученье; и не хотѣлъ онъ сообщать своей біографіи, какая то стыдливая теловическая мимоза, боявшаяся постороннихъ прикосновеній; онъ «не обидѣтъ на юбилеяхъ тѣхъ писателей, которыхъ не читалъ»; и хотя у него «сестъ франтъ», но «нѣтъ охоты и умѣнья читать»; на успѣхъ и вѣстескія оцѣнки онъ, застѣнчивый, одержимый «боязнью пространства», больше всего отвѣчалъ суетленіемъ и желаніемъ бѣжать, бѣжать...

Музыка его личности не знала фальшивыхъ, дѣланыхъ нотъ. Никогда не было у него желанія отановиться въ позу, посылать себя на выставку, создавать себѣ эффектное освѣщеніе. Онъ ни у кого не заискивалъ — ни у публики, ни у крити-

ковъ, ни у консерваторовъ, ни у либераловъ. Онъ былъ самъ по себѣ. И неприятно было ему, когда на него глядѣли — съ празднымъ любопытствомъ читателей къ своему кумиру. Но я и самъ отъ этого любопытства отбѣгивать не могъ и при всякой встрѣчѣ съ Чеховымъ устремлялъ на него заинтересованные и восхищенные глаза.

Однажды командировали меня домашнее въ кондитерскую за пирогами, наказавъ при этомъ, чтобы выборъ ихъ я сдѣлалъ не «теденціозно», не въ угоду своему лишь личному вкусу... А въ кондитерской я засталъ Антона Павловича съ О. А. Книпперъ и уставился на него такъ усердно, что ужъ не слѣдилъ за тѣмъ, какія именно пирогины кладетъ продавщица въ корзинку. Отъ упрека въ тенденціозности я дома все таки не былъ освобожденъ...

И потомъ — эти завершающіе недолгую жизнь Чехова, эти предпоследніе часы его въ Московскомъ Художественномъ театрѣ, гдѣ былъ онъ своего рода теніемъ-хранителемъ, гдѣ на строгомъ сѣромъ занавѣсѣ распростирала свои крылья его чайка, гдѣ въ плоть и кровь облечены были распатанные революціонной бурей, но все же не разбитые образы его и нашихъ трехъ сестеръ, его и нашего дяди Ваня.

Мнѣ уже приходилось въ печати говорить о 17-омъ января 1904 года. То былъ день рожденія Чехова и день сценическаго рожденія его лѣбединой пѣсни, его послѣдней пьесы «Вишневый садъ». Ее въ тотъ вечеръ впервые поставили Художественный театръ, и была прекрасна игра, и были очаровательны декорации, и такъ поэтиченъ былъ «весь, весь бѣлый», весеннимъ цвѣтомъ одѣтый вишневый садъ. Чехова не было въ театрѣ, но вслѣдъ за тѣмъ, помнителъ актъ его привезли. И началась задумчивая оца. Въ тотъ памятный вечеръ, какъ сознали потомъ, съ любимымъ писателемъ навсегда прощалась, давала ему послѣднее нравственное цѣлованіе его тоже любимая Москва, куда такъ мечтательно стремилась его сестра. Длинной вереницей выходили на сцену депутаты мужины въ черномъ и дамы въ бѣлыхъ платьяхъ, и говорили ему рѣчи, и восторженно хвалили его. Въ переполненной залѣ Художественнаго театра, гдѣ многими много пережито было высокихъ минутъ, шумѣла своимъ зеленымъ шумомъ, весеннимъ шумомъ увлекающаяся молодежь, и не ослабѣвалъ привѣтливый гулъ рукоплесканій. А Чеховъ стоялъ смущенный и блѣдный, съ легкой улыбкой на устахъ, и огоньки юмора за стеклами рѣсницъ пробѣгали въ его умныхъ глазахъ, когда какой-нибудь ораторъ своимъ краснорѣчіемъ напоминалъ ему «оратора» изъ собственнаго разсказа... Онъ слушалъ привѣты и славословія, а кругомъ него были цѣлѣты и лавры. Онъ пожималъ руки мужчинамъ и цѣловалъ руки у женщинъ. Онъ слушалъ и часто покашливалъ. Его упростили сѣсть въ кресло: помнили, что онъ боленъ и слабъ, и когда въ прочитываемыхъ адресахъ говорилось о

его безсмертіи, слишкомъ ясно было, что имѣли въ виду безсмертіе только духовное...

И въ самомъ дѣлѣ, прошло полгода, только полгода, и опять были цѣлѣты и лавры, опять волновалась многотысячная молодежь, опять звучали хвалебныя слова; но все это уже — въ отсутствіе живаго Чехова, все это — уже на его похоронахъ, на кладбищѣ московскаго Дѣвичьяго монастыря, гдѣ въ тѣсномъ живописномъ уголкѣ, подъ тѣнью расцвѣтавшей липы, вносѣдствіи уступившей мѣсто памятнику, подлѣ своего отца, недалеко отъ близкаго ему и при жизни поэта Плещеева, нашелъ Чеховъ и себѣ свой послѣдній приютъ. Да, въ Москву привезли его тѣло изъ нѣмецкаго Гайдельберга, гдѣ по-нѣмски сказали онъ «ich sterbe» и умеръ. На нѣмцѣхъ панихидахъ, въ траурный день 2 июля, вмѣстѣ съ рабомъ Божіимъ Антономъ помнили и раба Божьяго Павла, соедѣла по могилѣ, соединили знаменитаго сына и безвѣстнаго отца, потому что тождественны человѣчскія судьбы и демократична единая республика смерти...

Уже въ годину революціи, когда новыми безчисленными крестами, простыми деревянными крестами вмѣсто пышныхъ мавзолеевъ и плитъ, усеялось монастырское кладбище, я — въ который рейсъ? — снова навѣстилъ могилу Чехова. Я думалъ о томъ, что недавно, когда еще не была разрушена Россія, сюда совершались паломничества съ соедѣнныхъ Женевиныхъ Курсовъ, сюда приходили обитатели Дѣвичьяго Поля, милые курортники, русскія дѣвушки, любимицы Чехова, и опускались на колѣни передъ его ранней могилой и клали на нее свои скромныя дани — цвѣты и пушистыя вербы, и вѣтки съ вишневыхъ деревьевъ — и плакали о немъ, и тосковали по немъ, и воскрешали предъ собой его чарующій обликъ и нѣжную алею его разсказовъ и драмъ.

На томъ же кладбищѣ есть уголокъ Соловьевыхъ: знаменитый русскій историкъ покончилъ тамъ, члены его семьи, среди нихъ — еще болѣе знаменитый сынъ его, философъ, публицистъ и поэтъ Владимиръ Соловьевъ. Вотъ послѣднего звалъ я довольно близко, въ связи съ моей работой въ редакціи журнала «Вопросы философіи и психологіи», гдѣ онъ былъ самымъ желаннымъ и почетнымъ сотрудникомъ.

Прекрасно и одухотворено было его лицо, и на всемъ его существѣ лежалъ отпечатокъ избранности, — даже той геніальности, которая еродни безумію. Удивительные глаза, пышные волосы, тонкія руки, теплый тембръ голоса, и смѣхъ, высокій смѣхъ, которымъ онъ, иногда въ чрезмѣрной и даже недоумѣнны вызывавшей степени, откинулся на всякую шутку, на все комическое. «Былъ на землѣ онъ не жилецъ, а въ даль стремившійся прохаживать» — сказалъ про Соловьева, про этого «покаателя правды Божьей», поэтъ Жемчужниковъ. Впрочемъ, кто ближе подходилъ къ Владимиру Сергѣевичу съ его головой пророка, тѣ убѣжда-

лись, что далеко не одинъ лишь небеса привлекали его взоръ но и грѣшная земля. Онъ побуждалъ въ себѣ чувственность, но именно побуждалъ ее приходилось ему, а не то, чтобы она по натурѣ была ему чужда и далека. Станныя и страстные видѣнія бродили повидимому въ его фантазіи, и это порою сказывалось въ его стихахъ и интимныхъ разговорахъ. Слова Достоевскаго приходили на память при взглядѣ на Соловьева, — слова о томъ, что слишкомъ широка человѣческая натура, особенно — русская, что могутъ совмѣщаться въ ней идеалъ Мадонны съ идеаломъ Содомскимъ. Былъ Соловьевъ человѣкомъ чистой жизни, но уста его произносили не однѣ только молитвы...

Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ передъ нимъ, передъ тѣмъ хрупкимъ сосудомъ идеализма и духовности, какимъ онъ рисовался идеаломъ еще молодой и доверчивой души и какимъ онъ въ значительной мѣрѣ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Я помню: пригласилъ я къ себѣ на чашку чаю своего, если хотите, патрона, редактора «Вопросы философіи». В. Н. Преображенскаго (самъ я былъ секретаремъ редакціи); вообразите же себѣ мое удивленіе и восторгъ, когда мой гость привелъ съ собою и Соловьева. «Владимиръ Сергѣевичъ! — воскликнулъ я — какая честь!» И остался тотъ вечеръ для меня однимъ изъ самыхъ радостныхъ и памятныхъ въ жизни. И я бережно храню письма Соловьева ко мнѣ и его книги съ дорогими для меня надписями.

Сохранилась у меня и рукопись его послѣдняго произведенія — очень коротенькаго, правда: его юмористическаго четверостишія, которое онъ набросалъ въ день своихъ именинъ, 15 июля 1900 г., сидя въ редакціи «Вопросовъ». Въ тотъ же день ухажалъ онъ въ подмосковное село Узкое, принадлежавшее князю П. Н. Трубецкому и тамъ слегъ въ постель, чтобы уже никогда не вставать съ нея. Разсказывали мнѣ, что въ предсмертномъ бреду онъ произносилъ древне-еврейскія слова, — «молился за еврейскій народъ», какъ это истолковала легенда. Дѣйствительно, Соловьевъ былъ юдофилъ; въ одномъ письмѣ ко мнѣ онъ выражалъ огорченіе, что я въ печати неодобрительно отозвался о нѣкомъ авторѣ, принадлежащемъ, «какъ и Вы, къ тому народу, который я по причинамъ историческимъ и нравственнымъ съ гордостью считаю своимъ народомъ». Въ замѣчательной статьѣ «Еврейство и христіанскій народъ» покойный мыслитель свое углубленное понимание еврейской проблемы высказалъ очень ярко и сильно.

Про тотъ кружокъ московскихъ философовъ, къ которому принадлежалъ Соловьевъ, какъ его лучшее украшеніе, и въ бесѣдахъ котораго искрились мысли, какъ искрилось и играло тамъ же вино въ бокалахъ, обычный спутникъ и вдохновитель такихъ бесѣдъ, — про это я разскажу въ слѣдующій разъ.

Б. КАМЕНЕЦКИЙ.